

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Дайдодзи Юдзан — самурай, историк и философ, живший в XVII—XVIII вв., в своем «Будосёсинсю» — «Напутствии вступающему на Путь Воина», категоричен: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить — помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, — что он должен умереть. Вот его главное дело».

Ему вторит и Ямамото Цунэтомо: «Путь самурая обретается в смерти. Когда для выбора имеются два пути, существует лишь быстрый и единственный выход — смерть. Это не особенно трудно. Будь тверд в своей решимости и иди вперед. Рассуждения о том, что умереть, не достигнув своей цели, значит умереть собачьей смертью, — это досужая болтовня себялюбивых людей. Когда ты стоишь перед необходимостью выбрать жизнь или смерть, то достигнешь ты своей цели или нет, уже не важно».

Что же это? — философия смерти? Нет — философия готовности к смерти. А это — совершенно разные вещи. О том же говорит Сиба Ёсимаса, полководец и поэт XIV—XV в.: «Многие люди полагают, что надлежит действовать в соответствии со временем и обстоятельствами и потому пребывают в смятении, когда неожиданно возникают трудности. В высшей степени достойно сожаления, если самурай упускает момент, когда ему следует умереть. Поэтому сказано, что готовность умереть у воина и монаха должна быть одинакова.

Печально, если при любых обстоятельствах разум воина неспокоен».

Самурайские традиции — и рациональность: на первый взгляд кажется, что эти понятия несовместимы. Однако Кодекс самурая учит не торопиться с выводами.

Рациональна жизнь — как поиск славы и достойного противника, рациональна битва — как слаемое искусства полководца и сотен и тысяч малых побед, рациональна смерть — как готовность умереть в любой момент.

Рациональны даже опадающие цветы сакуры на рассвете — как следствие смены времени суток и поры года, как неизбежность увядания всего сущего...

Таков Путь Воина. Вступивший на него должен был строго соблюдать правила — Кодекс самурая, Бусидо. Это поразительный документ: его никто никогда не писал как единое целое — он существует как плод коллективного разума.

Он никогда не был официально обязателен к исполнению — но ему беспрекословно следовали поколения воинов. Его положения суровы и даже жестоки — но это удивительно человеческая книга, которая учит состраданию к ближнему. Простые, если не сказать банальные, истины — «Самурая необходимо воздерживаться от неправильного и стремиться к правильному» — но при этом глубочайший философский смысл, не подвластный времени и переменам...

Ямамото Цунэтомо.
Миямото Мусаси
КОДЕКС САМУРАЯ.
Хагакурэ. Книга Пяти Колец

Москва
2022

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Ц86

Вступительная статья — А. Хорошевский
Разработка серии — И. Осипов
Руководитель проекта — И. Пименова
Оформление обложки — Е. Вдовиченко

*Редакция предприняла все усилия, чтобы связаться с правообладателями.
Если вы располагаете какой-либо полезной информацией об авторах или их наследниках,
имеющих отношение к использованному в книге тексту, просьба сообщить в издательство.
Мы заранее приносим извинения в случае обнаружения ошибок и неточностей
и готовы внести исправления в последующие переиздания.*

Цунэтомо, Ямамото.

Ц86 Кодекс самурая. Хагакурэ. Книга Пяти Колец / Ямамото Цунэтомо, Миямото Мусаси. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие полководцы).

ISBN 978-5-699-66485-6

Кодекс самурая, правила и нормы поведения человека, вступившего на Путь Воина — Бусидо, своими корнями уходят глубоко в древность. Философия самурайства формировалась как под воздействием рациональных факторов — исторических, географических, социальных, — так и под влиянием духовных основ японского общества — буддизма, синтоизма, учения дзен. Все это нашло отражение в трудах великих воинов Ямамото Цунэтомо (1659—1719) и Миямото Мусаси (1584—1645). «Хагакурэ» («Сокрытое в листе»), «Книга Пяти Колец», сочинения других выдающихся полководцев составляют Кодекс самурая — свод правил и норм поведения, которым следовали многие поколения японских воинов.

Как и все издания серии «Великие полководцы», книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями; текст сопровождают сотни уникальных иллюстраций и фотографий, со многими из которых современный читатель познакомится впервые.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-699-66485-6

© Состав, переводы, примечания, комментарии,
иллюстрации, макет, оформление.
Издательство «Око Медиа», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Загадочная Япония... Написав сакраментальные два слова и поставив дежурное троеточие, авторы многих книг и статей о прошлом Японии настраивают читателя на соответствующий лад: мол, сейчас вас ждет возведенная в высшую степень, до безумия, преданность и разумом необъятная жестокость в сочетании с готовностью легко пожертвовать как своей жизнью, так и жизнями других.

Все так — и одновременно не так. Загадочность, действительно, имеет место быть — но только в отрыве от контекста места и времени. То, что нам кажется странным, неприемлемым и местами ужасным, для японцев в прошлые века считалось обыденным и простым.

Но вот одна история:

«Тем временем вступивший на Путь Сакураяма Сиро, заняв только половину провинции Бинго, считал, что он пересечет Биттю и сможет усмирить провинцию Аки. Когда же пронесся слух, что и замок Касаги пал, и Кусуноки покончил с собой, все войска, следовавшие за ним, разбежались. Теперь с ним остались сородичи, неразрывно между собой связанные, и двадцать с лишним молодых вассалов, которые издавна служили ему.

В последние годы вне власти, захваченной в старину воинскими домами, не осталось и малой толики земли во всех Девяти провинциях среди Четырех морей, поэтому их не могли спрятать у себя даже близкие люди, а малознакомых тем более нельзя было об этом просить. Чем попадать в руки чужих людей, которые выставят напоказ его труп, Сакураяма направился в главное святилище своей провинции, предал смерти любимого сына, которому исполнилось восемь лет, и свою верную жену двадцати семи лет. Потом развел на алтаре святилища огонь, сам себе взрезал живот, а двадцать три его сородича и молодых вассала — все превратились в пепел.

Итак, если спросить, почему Сакураяма из множества мест именно этот алтарь избрал, чтобы на его огне сжечь свое тело, выяснится, что этот Вступивший на Путь долгие годы преклонял голову в данном святилище

*Мияо Эйсуке.
Скульптура самурая в полном боевом облачении.
Бронза. Конец XIX в.*

и скорбел о том, что передняя его часть слишком повреждена. Сакураяма дал обет восстановить ее, а поскольку это была большая работа, у него было просто желание и не было сил. И к теперешнему заговору он присоединился исключительно для того, чтобы выполнить этот обет.

Однако не встретились ли здесь боги с непочтительностью? Обет выполнен не был, а человек захотел умереть.

Но он при этом думал: «Если мы сожжем это святилище, то и придворным вельможам, и воинским домам ничего другого не останется, как распорядиться каким-то образом восстановить его. Пусть сам я упаду на дно преисподней, я не буду страдать, если обет исполнится. Поэтому я с отважным сердцем сжигаю себя на алтаре святилища. Если все больше думать о милосердии будд и бодхисаттв, явленных в этом мире в других ипостасях, хорошее и дурное связаны и равно являются средствами спасения, поэтому, совершив грехи в этой жизни, я встречу благо в грядущей. Думаю, что это желание не мелкое»».*

Таких историй за века существования самурайства как явления насчитываются тысячи. В данном случае описан один из эпизодов гражданской войны в Японии во второй половине XIV в. И на первый — поверхностный — план выходит «субкультура»: некий воин, попав в безвыходное положение, убивает не только себя, но и ребенка и жену, а вместе с ними кончают жизнь самоубийством два десятка вассалов.

Подобная жестокость шокирует сегодняшнего цивилизованного читателя. Но, во-первых, у каждого времени — свои понятия; и кто сказал, что наши нравы и обычаи, которые мы считаем просвещенными, не покажутся потомкам через несколько столетий верхом жестокости?

Во-вторых, нужно помнить, что самурай, осознавая, что его душа уже не может оставаться в теле, вспарывал себе живот потому, что, согласно учению дзен,местилищем души было не сердце, а брюшная полость. Таким образом, сэппуку, кажущееся сейчас актом бессмысленной жестокости по отношению к самому себе, с точки зрения японца было вполне осмысленным и даже прагматичным действием.

В-третьих — честь и преданность сюзерену. Всеволод Овчинников, известный журналист-международник и писатель, труды которого о Японии в советское время были одним из немногих источников знаний о Стране восходящего солнца, в книге «Ветка сакуры» писал: «Краеугольным камнем японской морали служит верность, понимаемая как долг признательности старшим... Почитание родителей, а в более широком смысле покорность воле старших — вот в представлении японцев самая важная моральная обязанность человека. Преданность, основанная на долге признательности, является для них первейшей из добродетелей.

Преданность семье, клану, государству должна быть беспредельной и безоговорочной, то есть человек обязан подчиняться воле старших и вышестоящих, даже если они не правы, даже если они поступают вопреки справедливости.

В этом наиболее существенное изменение, которое японцы внесли в заимствованную ими древнекитайскую мораль. Учение Конфуция основывалось на том, что сын должен быть сыном, а отец — отцом; подданный — подданным, а повелитель — повелителем. Это значит, что сыновней почтительности достоин лишь хороший отец, что на преданность младших или нижестоящих вправе рассчитывать лишь тот, кто сам человеколюбив и милосерден по отношению к ним.

* Цитируется по изданию: Японские самурайские сказания. — СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

Японцы, стало быть, выхолостили принцип “жень” (гуманность, человечность), служивший в древнекитайской морали стержнем человеческих взаимоотношений. В японской трактовке принцип этот низведен до уровня благотворительности, то есть черты пусть даже похвальной, но не обязательной; черты, которая воплощает добрую волю человека, выходящую за рамки его прямых обязанностей».

Остается только добавить: не важно, о чем идет речь — о том, как роины вспарывали себе животы во имя своего господина, или о том, как современные японцы-трудоголики теряют сознание (а то и жизнь) во имя процветания своей компании. Последняя обычно, в свою очередь, нанимает их пожизненно, что придает трудовым отношениям и даже взаимоотношениям вне работы особый оттенок. Преданность клану — незыблема, и для японцев это аксиома вне времени.

В-четвертых, нужно отметить, что смерть для самурая — ни в коем случае не самоцель, делать сэппуку без крайней на то необходимости — удел людей неумных, чаще всего этим «страдали» молодые воины. Об этом превосходно написал Нитобэ Инадзо в книге «Дух Японии. Бусидо» (большой фрагмент из нее публикуется в данном издании в качестве приложения): «Истинное достоинство заключается в исполнении велений Небес: нет позора в том, чтобы умереть по воле Неба, но умереть, чтобы избежать уготовленного Небесами, — поистине трусливо!»

И, наконец, пятое — и самое главное: вступивший на Путь Воина обязан по нему следовать, неукоснительно следуя правилам. И путь этот называется Бусидо.

* * *

Образ самурая — один из самых раскрученных и растиражированных в современной массовой культуре. И, как это почти всегда бывает в таких случаях, истинная природа образа или явления остается за кадром. Причем, не только в переносном, но и в прямом смысле: в современном обществе подавляющая часть знаний поглощается в виде видеоинформации, а уж фильмов про самураев снято великое множество. Вот и выходит «масс-культурная формула» самурая: некий полумифический персонаж, безжалостный убийца (конечно, с четко расставленными акцентами: «убийца хороший» и «убийца плохой»), в совершенстве владеющий боевыми искусствами и «одним махом семерых побивахом».

На самом деле, самурайство, как и его история, — рационально, его возникновение и развитие имеет вполне реальные основы и факторы: географические, исторические, социальные.

Япония — страна островная, расположенная вдалеке от европейской цивилизации, что долгое время обеспечивало ее замкнутость и особый путь развития. Более того, районы страны были отделены друг от друга проливами и горными цепями, а такие географические условия естественным образом предопределяют клановость.

А клановость, вне зависимости от исторического периода, подразумевает борьбу. «Несмотря на выгодное географическое положение, — пишет британский академик, историк и писатель, один из ведущих специалистов в области военной истории Востока Стивен Тёрнбулл, — творцы Японии

Самурай Камия Дзихэй готовится совершить сэппуку.
На заднем плане собака тащит голову его возлюбленной Кохару.
Японская гравюра XIX в.

создали страну, пригодную только для героев. Сама форма островов представляет собой препятствие для сообщения. По капризу лукавых богов, 80 % суши занимают горы, около 600 из них возвышается не менее чем на 2000 метров, а одна, легендарная Фудзи, достигает 4000 метров. В горах множество быстрых речек и чистых озер, они покрыты густой растительно-

Тоётоми Хидэёси
(1537—1598)

стью. Добавьте сюда еще климат с жарким влажным летом и снежной зимой, с бурной весной и меланхоличной осенью. Оставшиеся 20 % плодородных земель распределите всего между тремя областями, прибавьте периодические землетрясения и тайфуны, напоминающие местным жителям о невидимой длани Творца, и вы получите страну, которая с борта современного самолета смотрится как кусок измятого зеленого бархата. К тому же в то время, о котором пойдет речь, элементарная проблема выживания уже имела отенок приключения».*

В историческом плане развитие самурайства связано со становлением феодализма на Японских островах, развивавшегося по тем же принципам, что и в других странах Западной Европы и Азии. Обитатели южных и центральных районов острова Хонсю постепенно проникали на север, захватывая земли коренных жителей — айнов.

Перераспределение захваченных земель привело к появлению крупных феодалов — даймё (в буквальном переводе с японского — «великое имя»). Даймё требовались дружины, которые защищали бы их владения от айнов и войск других княжеств, а также подавляли крестьянские бунты. Но больше всего требовалось воинов в период гражданской войны.

Конец XII в. ознаменовался противостоянием кланов Тайра и Минамото, или Войной Гэмпэй. Поначалу верх одерживали Тайра, но затем, когда во главе противоборствующего клана встал Минамото-но Ёримото, ситуация изменилась и в итоге гражданская война закончилась полной победой Минамото. После победы Ёримото взял себе титул «сэйи-тайсёгун» («великий полководец, карающий варваров») и стал, таким образом, основателем и первым правителем сёгуната — первого всеяпонского самурайского правительства.

Период от установления первого сёгуната до конца XV в. считается «золотым веком» самурайства. Официально верховная власть в стране принадлежала императору, однако он, под угрозой «добровольного» отречения, был лишь марионеткой в руках сёгуната. Реально в Японии правили самураи, предводимые наивысшим в иерархии самураем и главным министром в одном лице — сёгуном.

Воины требовались всем и в большом количестве. Даймё стремились возвеличиться, что вызывало междоусобицы, а значит — работу для самураев. Впрочем, самураи не были исключительно воинами. Слово «самурай» (сабурай) образовано от глагола старояпонского языка «сабурахи» и имеет следующие толкования: «служить великому человеку, человеку высшего сословия», «служить хозяину, защищать хозяина».

Самураи выполняли функции телохранителей, а в повседневной жизни — и слуг своего господина. Иногда с термином «самурай» отождествляют слово «буси» (воин), но все же буси — более широкое понятие, и оно не всегда относилось к самураю.

Клан Минамото, быстро возвысившись, столь же быстро пришел в упадок. Вскоре власть в стране перешла к представителям другого влиятельного клана — Ходзё. Интересно, что Минамото номинально продолжали

* Здесь и далее цит. по: *Тёрнбулл Стивен. Самураи. Военная история.* — СПб.: Евразия, 1999.

富士山景
駿州
紅尾

富士山景

*Кацусика Хокусай. Бухта Эдзир в провинции Сунсю.
Гравюра из серии «36 видов Фудзи». 1854—1858 гг.*

оставаться сёгунами, Ходзё же принимали титул «сиккэн» — регента. Но это было только формальное соблюдение традиций и в итоге сложилась «двойная марионеточная система» — Ходзё управляли Минамото, а через них — императором. Впрочем, для самураев эта ситуация в корне ничего не меняла.

На «золотой век» самурайства пришлась и единственная в Средние века попытка внешнего вторжения в Японию — в 1274 и 1281 гг. на Японские острова стремилась высадиться армия внука Чингисхана, правителя монголо-корейско-китайской империи хана Хубилая.

В этой ситуации самураи продемонстрировали, что могут не только веками воевать друг с другом. Как отмечал Стивен Тёрнбулл: «Это был первый случай в истории Японии, когда самураи выступили как ядро японского общества, когда японцы консолидировались и осознали себя единой нацией». Когда же угроза вторжения миновала, самураи вернулись к привычному делу — службе своим сюзеренам и войне между кланами.

В определенном смысле японские самураи были схожи с кондотьерами. Монархи маленьких европейских княжеств и герцогств XIV—XVI вв. нуждались в военной силе, нанимали ее извне, заключая с руководителями вооруженных отрядов договора — кондотты. Но если моралью кондотьеров были исключительно деньги (потому-то они часто переходили на сторону противника, который просто платил больше), то моралью самураев было Бусидо.

* * *

Что же такое Бусидо? Для начала обратимся к этимологии понятия. Исследователь Т. Улищенко определяет ее следующим образом.

«Слово бусидо состоит из трех иероглифов. Первые два составляют слово буси — единственное слово из нескольких имеющихся в японском языке для обозначения понятия, наиболее точно передающего сущность воина.

В первом иероглифе “бу” ключом является иероглиф со значением “оставлять”. А второй частью знака — сокращенный вариант идеограммы, обозначающий “копье”.

Древний китайский словарь Шу Вэнь дает следующее пояснение: “Бу заключается в способности подчинить себе оружие и, следовательно, остановить копье”. В другом древнекитайском источнике (Книге Цзы Чуань) мы находим более подробное толкование, в котором говорится, что бу включает в себя бун, то есть литературу, каллиграфию, и в более широком смысле все невоенные искусства. Бу запрещает насилие и подчиняет оружие — “оставляет копье”.

Иероглиф “си” в современном японском языке имеет значение “военный”, “воин”, “мужчина” и даже “благородный человек”. А первоначально, в Китае, этим словом определялись люди, которые обладали мастерством в определенной сфере и занимали свое положение в обществе благодаря учености, однако готовы были взять в руки оружие, когда это необходимо. Таким образом, буси — это человек, способный сохранять мир как с помощью искусства, так и военными средствами.

Третий иероглиф — “до” — обозначает Путь — важнейшее для большинства восточных философий понятие, в данном случае объединяющее

эти на первый взгляд несовместимые качества — бун и бу, в образе жизни “идеального” человека»*.

Следует отметить, что существуют и иные трактовки этимологии слова «бусидо», однако в целом они в той или иной степени схожи с приведенной выше.

Возможно, для людей, хорошо знакомых с историей Японией, самураев и Бусидо, сказанное далее покажется банальностью, однако для тех, кто только приступает к данной теме, отметить это будет не лишним. Так вот, Бусидо — не какой-то единый свод, документ, кодекс. Бусидо размыто во времени и пространстве. «Бусидо,— писал Нитобэ Инадзо,— творение не одного ума, как бы ни был он велик, и не результат жизни отдельной личности, сколь бы ни была она известна. Это органичный продукт опыта веков воинского искусства... Мы не можем указать какое-либо конкретное время как “источник Бусидо”. Можно только утверждать, что Бусидо порожден феодальным сознанием и что его возникновение связано с феодальной системой. Но как феодализм сам по себе сплетен из множества нитей, так и Бусидо обладает запутанной природой».

Основными источниками Бусидо как правил самурайской этики были буддизм и синтоизм, а также учения китайских философов Конфуция, Мэн-цзы и их последователей. Из синтоизма, религии, основанной на анимистических верованиях древних японцев, объектами поклонения которых были многочисленные божества и духи умерших, Бусидо позаимствовал два основных принципа: патриотизм и преданность сюзерену. Буддизм же, с его верой в перерождение душ, дал кодексу самураев главное правило: пренебрежение к жизни и почтительное отношение к возможности и необходимости умереть.

В качестве иллюстрации еще одна история, на этот раз из «Хагакурэ».

«Однажды один из подданных сёгуна пришел к господину Ягю и попросил принять его в ученики.

Господин Ягю сказал: “Похоже, вы человек, добившийся больших успехов в какой-то школе воинского искусства. Сообщите мне название этой школы, а потом мы поговорим о вашем ученичестве”. Но тот человек ответил: “Я никогда не занимался ни одним из воинских искусств”.

Господин Ягю сказал: “Неужели вы пришли для того, чтобы посмеяться над Тадзима-но-ками? Неужели я ошибаюсь, и вы не учитель сёгуна?” Но человек поклялся, что говорит правду, и тогда господин Ягю спросил: “Если это так, то разве у вас нет какой-то глубокой убежденности?”

Человек ответил: “Когда я был ребенком, я вдруг неожиданно осознал, что воин — это человек, которому не жалко расставаться с жизнью. Поскольку это ощущение хранилось в моем сердце в течение многих лет, оно превратилось в глубокую убежденность, и сейчас я никогда не думаю о смерти. Никакой другой убежденности у меня нет”.

Эти слова произвели на господина Ягю глубокое впечатление, и он сказал: “Похоже, мои предчувствия меня не обманули. Самый главный принцип моей военной тактики заключается именно в этом. До настоящего времени

* Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. — М.: Эксмо, 2003.

среди многих сотен учеников, которые у меня были, нет ни одного, кто бы постиг этот глубочайший принцип всем своим сердцем. Тебе нет необходимости брать в руки деревянный меч. Я посвящу тебя в мастера прямо сейчас". И говорят, что он сразу вручил ему свиток, удостоверяющий его мастерство».

История эта — труднообъяснимая и труднопонимаемая с точки зрения европейского подхода к военному искусству, но абсолютно логичная для самурайской этики и верований: готовность к смерти — превыше всего, технические навыки владения оружием придут со временем — не в этой, так в следующей жизни.

* * *

«Я начал читать “Хагакурэ” во время войны и время от времени обращаюсь к этой книге даже сейчас. Ее моральные заповеди не имеют себе равных. Ее ирония никогда не бывает циничной; это ирония, которая рождается естественно, когда человек осознает противоречие между решимостью действовать и пониманием правильного пути. Какая это насущная, вдохновенная, человеческая книга!»*

Ох, сколько же людей — и совсем не глупых, надо сказать, — были не согласны с этим мнением Юкио Мисимы о «Хагакурэ»! Не всем удавалось разглядеть «сокрытое в листе», да и, разглядев, каждый видел свое...

«Хагакурэ кикигаки» — «Записи о сокрытом в листе» — это фрагменты книги, автором которой был Ямамото Цунэтомо (Дзётё Дзингэмон Ямамото, 1659—1719). Этот самурай, прослужив своему хозяину — даймё Набэсима Наосигэ — десять лет, после его смерти стал буддийским священником. Однажды к Ямамото пришел искать совета молодой самурай Цурамото Тасиро. Дзётё рассказывал, а Тасиро записывал — так и появилось «Собрание изречений мастера Хагакурэ». По истечении семи лет рукопись была закончена, и Ямамото приказал сжечь ее. Однако Тасиро ослушался и после смерти наставника сделал несколько копий.

В первом приближении содержание «Хагакурэ» следующее (здесь мы снова процитируем Юкио Мисиму): «Книга Первая (“Собрание изречений мастера Хагакурэ”, часть первая) и Книга Вторая (“Собрание изречений мастера Хагакурэ”, часть вторая) представляют собой учение самого Дзётё Ямамото.

Книги Третья, Четвертая и Пятая содержат изречения и деяния Набэсима Наосигэ (основателя клана), Набэсима Кацусигэ (первого даймё провинции Сага), Набэсима Мицусигэ и Набэсима Цунасигэ (соответственно второго и третьего даймё провинции Сага).

Книги с Шестой по Девятую посвящены традициям клана, а также изречениям и деяниям его прославленных самураев.

Книга Десятая описывает жизнь самураев других провинций, а Книга Одиннадцатая является дополнением к предыдущим десяти книгам».

Надо сказать, что «Хагакурэ» отнюдь не сразу стало «основой основ» самурайской этики. Особый интерес к сочинению Ямамото Цунэтомо появился в начале XX в., а к 1930-м гг. оно признавалось самым знаменитым образцом идей Бусидо. Но затем, когда Япония вынуждена была расплачиваться

* Юкио Мисима. Хагакурэ Нюмон. Пер. с яп. Котенко Р. В., Мищенко А. А.

за поражение во Второй мировой войне и идеи пацифизма превалировали в обществе, «безжалостная и беспощадная» книга подверглась остракизму среди большинства японцев.

Что правда — то правда: человеку, не «обремененному» воинственностью, читая «Хагакурэ», действительно сложно отстраниться от того, «что не скрыто листвой». И трудно понять, где тут «человечность», о которой говорил Мисима, когда читаешь такое:

«Когда Ямамото Китидзаэмону было пять лет, его отец Дзинэмон приказал ему зарубить собаку, а в возрасте пятнадцати лет его заставили казнить преступника. Раньше всем молодым людям, по достижении четырнадцати или пятнадцати лет, обязательно приказывали участвовать в казни. Когда господин Кацусигэ был молод, господин Наосигэ приказал ему практиковаться в умерщвлении с помощью меча. Говорят, что тогда ему пришлось отсечь головы более чем десяти преступникам подряд.

Долгое время такая практика была очень распространена, особенно среди высших сословий, но сегодня в казнях не участвуют даже дети людей из низших сословий, и это исключительный недосмотр. Сказать, что человек может обойтись и без этого или что нет никакой заслуги в том, чтобы убить приговоренного к смерти, — значит искать оправданий. Получается, что если у человека слабый воинский дух, то ему не остается ничего иного, как следить за красотой ногтей и ухаживать за собственной внешностью?

Если заглянуть в душу человеку, которому неприятны подобные вещи, то можно увидеть, что он использует весь свой изворотливый ум, пытаясь найти оправдание своему нежеланию убивать, в основе которого лежит обычное малодушие. Но Наосигэ приказывал своему сыну рубить головы, потому что так нужно.

В прошлом году я ездил на место казни в Касэ, для того чтобы испытать себя в обезглавливании, и испытал исключительно хорошие ощущения. Думать, что это может повредить твоему душевному равновесию, — признак малодушия».

И это — еще «цветочки». Вообще же по количеству трупов и убийств, приходящихся на страницу, «Хагакурэ» на порядок превышает «эталонные» в этом отношении пьесы Шекспира. Принцип «будь готов убивать и умереть сам в любой момент» сопровождает сочинение Ямамото Цунэтомо от первой до последней строчки.

И однако же «Хагакурэ» — это книга не о том, как нужно убивать и умирать самому. Мисима писал: «Те, кто читают “Хагакурэ” с точки зрения общественных условностей — для знакомства с феодальной моралью например, — не замечают в ней оптимизма. В этой книге отразилась великая свобода людей, жизнь которых жестко регламентирована социальной моралью».

Мораль «Хагакурэ» может быть не только жестокой и воинственной, но и философско-поучительной. Например: «В благоприятные времена гордость и несдержанность опасны. Если человек не проявляет благоразумия в обычные времена, он не сможет догнать остальных. Человек, который успешен в хорошие времена, потерпит неудачу в трудные».

Не чужда Ямамото Цунэтомо и поэтичность: «Мастер достал книгу из футляра. Когда он раскрыл ее, комната наполнилась ароматом сухой гвоздики». А еще эта книга наполнена иронией и самоиронией, иногда явной, а иногда тонкой и малозаметной: «Полезно иметь в рукаве немного румян. Может

случиться так, что, когда человек проснется ото сна или придет в себя после веселой попойки, цвет его лица окажется нехорош. В таких случаях следует достать румяна и припудрить ими лицо».

Разглядеть все «сокрытое в листе», действительно, непросто. Однако делать это невероятно интересно.

* * *

Предлагаемое читателю издание, помимо «Хагакурэ», содержит сочинения и других известных японских военачальников. Эти сочинения сопровождаются подробными комментариями, поэтому здесь мы их обсуждать не будем, а вернемся к истории самурайства и займемся развенчиванием мифов. По крайней мере, части из них.

Согласно синтоистской притче, Идзанаги и Идзанами — это последняя из божественных пар. Однажды, стоя на Плавающем Небесном мосту, они опустили драгоценное копье в море, расстилавшееся под ними, и стали размешивать его. Капли, стекавшие с острия копья обратно в море, образовали остров Онногоро. После этого Идзанаги и Идзанами заключили между собой брак, от которого произошли Японские острова и множество kami (духовных сущностей, божеств), заселивших эту землю. Идзанами, произведя на свет бога Огня, через некоторое время заболела и умерла, после чего отправилась в Страну Мрака. В отчаянии Идзанаги отрубил голову богу Огня, из крови кото-

рого произошли новые поколения kami. Затем Идзанаги последовал за супругой, чтобы вернуть ее в мир Высокого Неба.

Однако он увидел Идзанами в страшном виде, разлагающейся, и в ужасе бежал из Страны Мрака, завалив вход в нее скалой. Идзанами была разгневана этим поступком мужа и пообещала убивать тысячу человек в день. В ответ на это Идзанаги сказал, что будет каждый день строить хижины для полутора тысяч рожениц.

Эта притча передает представления синтоизма о жизни и смерти: всё смертно — и даже боги. Поэтому нет смысла пытаться вернуть умерших. Но жизнь все равно побеждает смерть — через перерождение всего живого.

Речь идет о преданности. Представить всех самураев бесконечно преданными сюзеренам было бы красиво — но это неправда. В конце концов, слишком уж «неподходящими» для были условия, складывавшиеся в Японии в Средние века. Сама структура власти и отношения между теми, кто на нее претендовал, — сёгунатом; время от времени стремящимися выйти из-под его власти императорами; и даймё, желавшими большей независимости, но вынужденными постоянно сражаться между собой, — подразумевали гражданскую войну.

В начале 1330-х гг. императору Го-Дайго с помощью Асикага из клана Такаудзи удалось свергнуть Камакурский сёгунат. Однако стремление императора самостоятельно править Японией не вызвало энтузиазма у аристократии, в том числе и у Асикага. Снова вспыхнула междоусобная война, итогом которой стало появление сразу двух династий — Южной во главе с Го-Дайго и центром в городе Ёсино, и Северной, формальным главой которой был император Комэй, а фактическим — Асикага и его самурайское правительство.

Ослабление централизованной власти автоматически означало появление новых центров власти в провинциях. Даймё постоянно формировали военные отряды и, видя друг в друге лишь врагов, нападали на соседей.

*Кобаяси Эйтэку. Идзанами и Идзанаги.
Конец XIX в.*

**Цукиока Ёситоси. Ода Нобунага сражается с противником
и свергает его в огненный ад.
Вторая половина XIX в.**

И так по цепочке, до самых низов. Которые, кстати, тоже не сидели сложа руки, особенно в нередкие периоды жесточайшего голода. В итоге войны между феодалами и крестьянские бунты во второй половине XV в. ввергли Японию в хаос. Не случайно этот период, длившийся около ста лет, вошел в историю под названием Сэнгоку Дзидай — Эпоха Воюющих Провинций, или же период Сражающихся Царств.

В это же время в Японию проникли первые европейцы. И они (в основном иезуитские миссионеры) с удивлением и ужасом отмечали, что самой популярной стратагемой тех лет у японских военачальников была измена. Алессандро Валлиньяно, Жоан Родригес и другие писали о невероятной легкости, с которой вассалы восставали против сюзеренов или возвращались